

Точка преломления сюжетов

ГУМ в искусстве и жизни

— Анна Наринская

Про ГУМ написано и снято не так уж много. Во всяком случае, не так много, как хотелось бы, — как хотелось бы мне. Потому что, по-моему, ГУМ — очень интересное место, как будто бы существующее сразу в нескольких измерениях.

То есть ценители у него, конечно, всегда имелись. Прочитав сценарий того, что тогда еще называлось «Спагетти по-русски», Дино Де Лаурентис велел Рязанову с Брагинским вставить в сценарий эпизод в ГУМе — «такой роскошный и огромный магазин», по его словам, должен был произвести на европейских зрителей впечатление.

В «Невероятных приключениях итальянцев в России», действительно, есть эпизод, где ГУМ прекрасен — почти пустой (несмотря на «двести тысяч, покупателей ежедневно», которых, задыхаясь, анонсирует прикидывающийся гидом милиционер Андрей Миронов), светлый, гулкий, похожий на французский вокзал и итальянскую базилику одновременно.

Вообще, ГУМ, конечно же, идеальная площадка для любовного сюжета, но «свидания у фонтана» хоть и были всегда несомненной частью жизни, но частью литературы или кино не стали. И возможно, самое романтическое, что можно в этом смысле вспомнить о ГУМе, — это улыбка молодой Галины Польских, изображающей продавщицу гумовского музыкального отдела в «Я шагаю по Москве»: «„Севильский цирюльник“, „Аида“, „Травиата“ — девять рублей».

Музыкальный отдел вообще был популярен. Почти у всех имеется воспоминание, как купили там что-то и как потом было счастье. (Константин Ваншенкин, например, вспоминал, как бросился туда, узнав, что его песня «Я люблю тебя, жизнь» — любимая песня Юрия Гагарина, который вот-вот должен был прийти в ЦДЛ на встречу с писателями, как купил — «долгоиграющих не было, пришлось удовольствоваться обычной, на 78 оборотов. Исполнял, правда, М. Бернес», как подарил ее космонавту «прямо в гумовской обертке», как потом еще полдня не мог прийти в себя от радости.)

И если уж о радости. В конце восьмидесятых я купила там первый отечественный официальный альбом «Аквариума».

Кстати, совершенно без всякой очереди: зайдя без особых надежд, случайно увидела, как продавец вскрыл коробку и достал — спокойно, как будто так и полагается, — белый квадрат с аккуратными черными буквами. Потом я шла по улице 25 Октября (хотя вообще-то ее и тогда называли Никольской), потом ехала в метро — и все, казалось, смотрели на меня с завистью. Дома я поставила блестящий винил на проигрыватель «Юность», Гребенщиков запел «Сидя на красивом холме», игла обломилась — и головка звукоснимателя обрушилась на

В ГУМе всегда встречалось
СТАРОЕ С НОВЫМ, русское
с иностранным, ЧЕСТНОЕ
с НЕЧЕСТНЫМ, дорогое
с дешевым, красивое
с некрасивым, ОДНИ люди
С СОВСЕМ ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ —